

Политэкономия для «кофейников»

Доброе утро, дорогие сограждане! И приятного аппетита!

Что? Я опоздал? Вы уже позавтракали? Ничего, часа через 3-4 природа сделает свое дело, потребности тела напомнят о себе, и вы ответите на мое пожелание добрым словом.

Не в этом дело? Вы раздражены использованием в заглавии моей статьи скомпрометированного историей и непопулярного ныне слова? Вы считаете, что в действительности не существует никакой позитивной политической экономии? Вы считаете, что в действительности существует только общая экономическая теория, представленная в ЭКОНОМИКС микро и макроэкономикой? Мол, в действительности, микроэкономики вполне достаточно для полного описания всех экономических категорий и закономерностей деятельности людей на микроуровне, на уровне домохозяйств и предприятий. А макроэкономика «покрывает собой» и объясняет все закономерности развития общества в целом?

Не заблуждайтесь! Микроэкономика начинается с рассмотрения домохозяйства, как группового **потребителя**, а семейную группу, как совокупность индивидуальных **потребителей**. А предприятие, как индивидуального и совокупного **«работодателя»**, использующего для максимизации прибыли различные производственные ресурсы, в том числе и фактор производства «труд».

Но микроэкономика не изучает человека, как действительного субъекта процесса труда. Она не изучает наемного работника, поскольку считает его придатком механизма и машины, а также простым исполнителем креативной воли работодателя, неким элементарным «операционным усилителем» внешней для него производственной функции с неизменным «коэффициентом передачи» входного управленческого сигнала.

Микроэкономика не изучает предпринимателя, как субъекта трудовой деятельности, поскольку исходит из того, что он занимается не трудом, а особенной предпринимательской деятельностью, находящейся «за гранью» существования обычного человека.

Вот и получается, что микроэкономика и экономикс, игнорируя науку о всесторонне работающем человеке, о различном индивидуальном труде, выстраивается так, как если бы физика и химия развивались только на молекулярном и атомарном представлении о материи и не опирались бы на ТРОЙСТВЕННОЕ понимание строения атомов, как совокупностей взаимодействующих нейтронов, протонов и электронов.

Правда, работающего человека изучал марксизм. Маркс открыл двойственный характер труда в составе конкретного характера труда и абстрактного характера труда. Маркс открыл процесс образования стоимости, прибавочной стоимости и прибыли. Показал природу и механизм эксплуатации работающего человека. Но и этот подход марксизма не был лишен многих противоречий. Труд и люди у Маркса разделялись на создающие и не создающие стоимость. А сама субстанция стоимости была определена некими виртуальными общественно необходимыми затратами рабочего времени (средней температурой по больнице), которые никем и никогда не могут быть определены иначе, как ОТВЕРГНУТОЕ Марксом усредненное индивидуально необходимое для производства продукта рабочее время. К тому же, марксизм и экономикс несовместимы?!

Вот и получается, что господствующая ныне в мире экономикс ненормально (неустойчиво, потенциально опасно) стоит только на двух (она же не человек) «ногах», на двух, а не на трех минимально необходимых (как у телебашни) опорах. Вот и получается, что экономической теории для ее успешного выходя из отмечаемого многими экономистами кризиса необходима некая дополнительная, а по-существу, основная, базовая теоретическая опора. Я называю эту теорию **наноэкономикой** – экономикой трудящегося (работающего) человека. И из нее выводятся производные положения модернизированных микро и макроэкономики.

Наноэкономика.

Человек был и есть по природе биомеханическая и психофизиологическая система. И тогда, когда он был только «*homo erectus*» - человеком «прямоходящим». И позднее, когда стал «*homo sapiens*» - человеком «разумным». И сегодня, когда, в рамках тупикового буржуазного либерализма он стал «*homo homosexus*» - человеком «гомосексуальным».

А как биомеханическая система человек живет тогда и до тех пор, пока он осуществляет обмен веществом между собой и окружающей его материальной природой, через потребление объектов потребления и выделение продуктов жизнедеятельности. Периодическую необходимость осуществления обоих этих процессов человек осознает через существование объективной и осознание им той или иной субъективной потребности.

Потребность в объектах потребления удовлетворяется, собственно, через процесс потребления. А самому процессу потребления предшествуют различные процессы обретения объекта к потреблению человеком, которые сопровождаются затратами человеческой жизненной (рабочей) силы, предваряющими потребление, затратами предпотребления.

Следует признать, что затраты предпотребления осуществляют (в том или ином качественном и количественном составе) все и всякие люди, даже если для потребления они осуществляет лишь «колыхание» грудной клетки для дыхания или открывают рот и глотают низвергающуюся на них «манну небесную» (забегая вперед, можно сказать, что эта универсальность затрат предпотребления обуславливает образование всеми потребителями той или иной стоимости объектов потребления).

Затраты предпотребления чрезвычайно разнообразны, вариативны. В том числе и для обретения одинаковых объектов потребления.

Долгие тысячелетия человек «прямоходящий» затрачивал лишь свои жизненные силы и только для собирания в природе готовых объектов потребления. Затрачивал только тогда, когда испытывал потребность. И потреблял только то, что собирал сам. Или отбирал (уже и здесь присутствовала вариативность, альтернативность) у соплеменников. А жизненных сил затрачивал ровно столько, сколько было индивидуально необходимо в его конкретных условиях и обстоятельствах. А сама собирательная деятельность уже имела конкретный и абстрактный затратный и абстрактный результативный характер. Даже этот примитивный *erectus* соотносил и запоминал величины затрат и результатов различных уже зарождающихся компонентов разделения альтернативных видов своей психофизиологической активности.

Долгие столетия человек «разумный» и «гетеросексуальный» потреблял, в основном, те объекты потребления, которые изготавливал сам. И трудился сам, ровно столько, сколько ему было индивидуально необходимо для изготовления каждого из многих продуктов его труда -

объектов его же потребления. Или отбирал их силой у других членов общины. Затраты труда предпочтения каждого объекта в таком случае у каждого человека равнялись затратам изготовления объекта, себе-затратам или само-затратам. Или, для отдельных особей, затратам жизненной силы на грабеж. Никто не заставлял себя работать больше, чем это было необходимо и достаточно для удовлетворения потребностей. Именно потребности диктовали количественный и качественный характер процесса труда. В свою очередь, именно затраты труда становились мерилем самих потребностей и различных способов их удовлетворения. И каждый человек был субъектом и самого труда и всех плановых и контрольных (самоконтрольных) его механизмов. При этом складывалась и развивалась система разделения индивидуального труда. И не было никакой системной эксплуатации человека человеком.

С давних пор в экономической практике используется категория «себестоимость». Однако, в экономикс ее «недолюбливают» (видимо из-за сходства в произношении с «ненавистой» марксовской стоимостью) и предпочитают категорию «издержки производства». И в марксизме она «не в почете». Ибо, очевидно, имеет первородно индивидуальный характер, что противоречит марксову общественно необходимому характеру категории «стоимость». И только в наноэкономике себестоимость получает свое истинное и первородное содержание, как, изначально, индивидуально необходимые человеку в данных условиях и обстоятельствах затраты изготовления продукта труда. Даже «труда» по грабежу.

Таким образом, к началу эпохи товарного производства и товарного обмена человечество подошло со сложившейся начальной системой разделения индивидуального труда каждого человека и хорошим знанием себестоимости-стоимости производства каждого объекта потребления – продукта собственного труда.

Теперь уже альтернативные способы удовлетворения собственных потребностей, обретения объектов потребления стали дополняться процессами изготовления и обмена продуктов своего труда на продукты труда чужого. Ибо, часто обнаруживалось, что совокупные альтернативные издержки, стоимости, себестоимости изготовления и обмена своих легко изготавливаемых продуктов оказывались меньше более затратно изготавливаемых самостоятельно.

Теперь альтернативным способом удовлетворения некоторых (со временем, многих, всех) своих потребностей в некоторых (позднее, многих, всех) объектах потребления стало изготовление некоторых (позднее, одного) продукта и обмен на остальные.

Теперь уже мерой потребностей, мерой полезности объектов потребления стали не затраты самостоятельного изготовления каждого из объектов потребления (стоимости изготовления), а минимальные из возможных альтернативные затраты (стоимость) изготовления своих специально предназначенных для обмена продуктов. Именно эти минимально возможные альтернативные стоимости изготовления товарообменника (товара, предназначенного для обмена) стали выразителями меры потребностей, мерой потребительной ценности объектов потребления.

Таким образом, каждый товар в товарном производстве помимо стоимости (себестоимости) его изготовления обрел еще одну характеристику – потребительную ценность (ценность) для того или иного потребителя. Стоимость имеет своим содержанием индивидуальные и фактически осуществленные при изготовлении продукта и измеряемые затраты рабочей силы,

рабочего времени. Потребительная ценность имеет своим содержанием вариативные минимальные альтернативные стоимости изготовления продуктов своего труда, отдаваемых в обмен за получаемый объект потребления.

Естественно (благодаря затратному и результативному отношению к результату труда), повторялись и становились правилом такие варианты изготовления и обмена, при которых у каждого участника образовывалась положительная разница между прежними и новыми альтернативными вариантами удовлетворения своих потребностей, между старой стоимостью изготовления и новой альтернативной стоимостью обретения (ценностью). Эта разница, между прочим, уже тогда имела такое содержание, которое позднее экономисты назовут прибылью. Эта прибыльность новых альтернативных вариантов удовлетворения потребностей, снижающая совокупные стоимости изготовления производимых продуктов в общине и была важнейшим мотивом и стимулом зарождения и развития, теперь уже, внутриобщинной и межобщинной системы разделения труда. Здесь, попутно, можно отметить, что Карл Маркс ошибся и в своем «эквивалентном» принципе обмена товаров в капиталистическом обществе. Обмен в нем никогда не осуществлялся по равной стоимости, а осуществлялся по равной ценности, с обоюдным выигрышем в стоимости.

С той поры главным экономическим побудительным мотивом дальнейшего саморазвития общества стало такое саморазвитие общественного разделения труда, которое обеспечивало получение наибольших индивидуальных прибылей при нарастающем производстве общественных объектов потребления и снижении совокупной общественной стоимости их производства.

С давних времен человек использовал в качестве живого средства производства одомашненных животных. И также очень давно неким «креативным» хозяйственникам пришло в голову использовать в своем хозяйстве в качестве альтернативного средства производства и другого человека, других людей. И с тех пор человечество разделилось на людей которые используют других людей в качестве средств производства, и людей, которых используют. Именно это разделение и является основным содержанием частной собственности на средства производства и разделения общества на классы и другие его части.

Вначале, во времена рабства, часть общества – рабовладельцы – были, по аналогии с домашними животными, полноправными собственниками рабов в их целостной комплексности: и жизни, и тела, и рабочей силы, и продукта труда. Именно это правоотношение было основным содержанием рабовладельческой социально-экономической формации. Человек-раб был объектом рабовладельческого рынка в своей такой целостности. А цену этому объекту в его абсолютной целостности на рынке рабов устанавливали рабовладельцы.

Позднее, во времена феодализма, осознанная экономическая неэффективность растраниживания жизней своих небесконечных рабов (ну хорошо, еще и нарастающие в обществе религиозность и гуманизм) побудила лучших из «креативщиков» общества отказаться самим и заставить отказаться других от права частной собственности на жизнь рабов (права на их убийство «по производственной необходимости»). В частной собственности феодалов оставалась собственность на тело (телесные наказания), рабочую силу и продукта труда крепостных и право назначения цены всему этому в целом на феодальном рынке.

Позднее, во времена капитализма, осознанная нерациональность экономических потерь от нанесения крепостным телесных увечий, влекущих потерю их трудоспособности (ну хорошо, еще и нарастающие в обществе религиозность и гуманизм), побудила лучших из «креативщиков» общества отказаться самим и заставить отказаться других от права частной собственности на тело крепостных (на право калечить их «по закону»). В частной собственности капиталистов оставались право пользования и распоряжения (после покупки на рынке) рабочей силой наемных работников и право собственности на продукта труда крепостных. Соответственно, капиталисты были главными субъектами не только на рынке вещественных средств производства, но и единственными субъектами (покупателями рабочей силы) на рынке труда.

Как и все другие, эти описанные выше процессы в обществе находили отражение в науке, которую называли экономикой. Причем, естественно, большая часть этой науки изучала видимые (потому что, поверхностные) каждодневные и более или менее долговременные процессы и явления. Это была и есть, можно сказать, «чистая», внутрисистемная «микро» и «макро» экономика, которая изучала конкретные нюансы хозяйственных отношений в рамках каждой системы производственных и общественных отношений, и которая выродилась в современную экономикс.

А некоторые экономисты «возвышались» над такой временной локальностью и «мелочностью» и изучали противоречия и закономерности в периоды смены различных социально-экономических систем и вырабатывали более общие и глубокие представления о всеобщих и совокупных процессах развития общества. Они называли свою науку политической экономией. Таким образом, политэкономия складывалась и будет развиваться в дальнейшем, как межформационная экономическая теория, как теория возникновения, развития и смены социально-экономических формаций.

Важнейшим этапом развития и достижением политэкономии был марксизм. Маркс ввел естественно-историческую формационную (на основе различных форм частной собственности на средства производства) периодизацию истории человеческой цивилизации. Он показал преходящий (конечный) характер частнокапиталистического общества. Он наметил некоторые основные пути устранения системных капиталистических противоречий и ограничений.

Однако, в силу чрезвычайной сложности человеческого общества, особенно, взятом в его историческом развитии, как объекта познания и позитивного проектирования, ввиду чрезвычайной противоречивости перехода от частнособственнического классового общества к бесклассовому обществу с общественной формой собственности на средства производства и максимальной социальной справедливостью Карлом Марксом в его теории были допущены существенная неполнота и критическая ошибочность.

И именно от безупречного **качества политэкономии**, как базовой науки нового общества, решающим образом зависела и будет зависеть эффективность преодоления человечеством увиденного Марксом ранее и надвигающегося ныне кризиса капиталистической социально-экономической формации.

Вместо подлинно диалектической теории трудовой стоимости-ценности и в капиталистическом, и в будущем подлинно социалистическом обществе, которая была лишь обозначена мною выше (но уже глубоко разработана и представлена в СМИ), Маркс создал

неполную и, по существу, ошибочную теорию трудовой стоимости, как общественно необходимого рабочего времени. Что послужило неизбежной причиной раскручивания «вразнос» затратного механизма той псевдосоциалистической экономики.

Вместо дальнейшего развития обозначенной мною выше всемирно-исторической тенденции по наделению каждого бывшего наемного работника правом собственности на продукт своего труда через реализацию индивидуально-коллективной формы собственности на вещественные средства производства общества Маркс затвердил государственную форму собственности, как основную форму собственности социалистического общества, тем самым, превратил работающих членов общества в наемных работников суперсложного и малоэффективного монополиста – государства.

Вместо дальнейшего развития всемирно-исторической тенденции по замене, теперь уже, рынка рабочей силы рынком, исключительно, **рынком обмена продуктами** частичного труда всех работающих членов общества, Маркс затвердил иерархическую государственно-монополистическую систему аккумуляирования и распределения совокупного общественного продукта.

Вместо подлинного народовластия, базирующегося на производственной и территориальной прямой демократии, Маркс и Ленин приняли и реализовали некий аналог буржуазной представительной демократии в виде непрофессиональных и неоцениваемых напрямую народом советских органов власти.

Тем не менее, **принципиальный отказ** от частной собственности на средства производства избавил СССР от многих «ужасов» имущественного и социального расслоения капиталистического общества, позволил концентрировать общественные ресурсы на наиболее общественно значимых задачах масштабной индустриализации, создания мощного оборонного комплекса, решения многих острейших социальных проблем (жилищное строительство, образование, здравоохранение...).

Тем не менее, **принципиальный отказ** от классового деления общества пробудил творческий трудовой потенциал многих миллионов советских тружеников, обеспечил невиданный энтузиазм, трудовой и воинский героизм советского народа.

Благодаря святой вере в историческую правильность социалистической идеологии и марксистско-ленинской теории, так называемого, научного социализма и коммунизма, народы Советского Союза с величайшим напряжением сил более 50-ти лет героически преодолевали противоречия и несовершенство этой научной теории. Но это несовершенство имело такой фундаментальный и системный характер, что ничьих бы сил и на долгое время не хватило. Проявилась неспособность научной и правящей элиты к позитивной модернизации теории. Развилось сомнение и предательство элит. Произошел кризис управления. СССР был разрушен. Социалистическая теория и практика потерпели крах.

Хотя масштабы и болезненность **этого** кризиса и **такого** краха были чрезвычайны, хотя материальные и человеческие потери были **бесконечно** велики, произошло то, что всегда происходило и происходит в развитии, практически, всякой науки и производной от нее практики.

И у человечества нет другого пути решения всех своих проблем, как совершенствование, расширение и углубления своего знания, превращения его в необходимо-достаточное для решения задач с позитивным результатом.

Сотни тысяч и миллионы людей утонули в реках, морях и океанах, прежде чем человечество (Архимед) открыло **безошибочные** законы плавания тел и создало соответствующие плавательные средства. Сотни тысяч и миллионы людей разбились в прыжках с колоколен прежде чем человечество открыло законы воздухоплавания и создало соответствующие, теперь, чуть ли не совершенные летательные средства. И продолжает их познавать, создавать и совершенствовать. Но и это уже высокое знание все еще «собирает свои человеческие жертвы».

Да общественные науки, политическая экономия – особенные науки. В них, как писал Карл Маркс, не возможно применить микроскопы и химические реактивы. Все познается силой величайшей абстракции. И эксперименты в ней чрезвычайно специфические. Но это никого не должно отворачивать от политэкономии. Это, напротив, должно побуждать всех и каждого всемерно преумножать усилия в ее совершенствовании.

Ибо прогресс, который она неизбежно обеспечит человечеству, переоценить невозможно!

За диалектический и исторический материализм!

За СОЦИАЛИЗМ 2.0!

02 июля 2019г.